

Он отвернулся и вцепился руками в столешницу, восстанавливая самообладание, и уже, наверное, в сотый раз мысленно проклял Альбуса Дамблдора за то, что обрек Снейпа терпеть в замке невыносимое присутствие Поттера и Люпина. Это из-за них обоих он опять смотрел напрямик в собственное прошлое, от которого без сожаления отвернулся уже очень давно. Он не слышал ни слова о Лили Эванс уже много лет, и был – как там говорил Альбус в начале года? – да, он был, черт побери, счастлив. Счастлив жить в этих стенах, среди людей, которых за столько лет совместной работы уже привык считать родными. Счастлив видеть идущие мимо поколения студентов, которые огибали его, словно воды реки – старый булыжник, давным-давно почерневший от времени, но остающийся неизменным. Разумеется, он бы солгал, если бы сказал, что не вспоминал Лили вовсе. Но то глухое, безысходное отчаяние, что он испытал, когда она погибла, словно поблекло, выцвело с годами, как старая фотография, обернувшись тихой печалью, тупой, застарелой болью, что грызла его лишь иногда.

Люпин был идиотом, если действительно считал, что Снейп похоронил себя в двадцать лет. Смерть Лили Эванс была страшным ударом, но он выстоял и оказался достаточно силен, чтобы идти дальше. И у него неплохо получалось, пока в Хогвартс не явился этот чертов Поттер, который смел смотреть на Снейпа зелеными глазами – ее глазами – с вышибающим из груди весь воздух холодом и недоверием. Проклятый мальчишка, который однажды уничтожил все, ради чего он жил, маячил перед глазами каждый Божий день, как непрерывное напоминание о его дурацкой ошибке – ошибке, исправить которую ему так никогда и не удалось.

И после всего этого чертов оборотень еще воображал, что понимает его чувства.

– Не будь лицемером, – негромко сказал Снейп, по-прежнему не оборачиваясь. – Тебе нет никакого дела до меня, а мне – до тебя, и такое положение вещей, если я не ошибаюсь, превосходно устраивает нас обоих. Если мне понадобятся чьи-то советы, ты будешь последним человеком, к которому я обращусь, так что оставь свои идиотские душеспасительные речи для кого-нибудь еще. Ты хочешь, чтобы я пошел к Дамблдору – прекрасно, я к нему пойду. Но будь я проклят, если когда-нибудь в своей жизни прощу Гарри Поттера.

К его глубокому удовлетворению, Люпин не нашелся, что на это ответить.

*****

После двух недель безвылазного сидения в замке, а скорее даже, в хогвартских подземельях, очередной поход с Хагридом в Запретный лес кажется мне по меньшей мере курортом. Я распахиваю двустворчатые двери и крепко зажмуриваюсь от слепящего света. Затем, моргая и щурясь, оглядываю окружающие замок холмы, укрытые снегом, словно пирожные – сладкой глазурью. С плывущих по небу облаков срываются редкие снежинки, и, описывая широкие плавные дуги, одна за другой неторопливо ложатся на землю. Холод мгновенно дает о себе знать, добираясь до тела сквозь слои одежды, обозначает дыхание невесомыми облачками пара, застывающими в неподвижном воздухе. Я плотнее оборачиваю шарф вокруг шеи, заталкиваю руки глубоко в карманы теплой мантии и ступаю на широкую тропу, которую протоптали в снегу десятки пар студенческих ботинок. В отдалении, ближе к квиддичному полю, чернеют горстки рассредоточенных по стратегически важным точкам местности студентов, затеявших снежную баталию, а в противоположенной стороне, у теплиц, Спраут с

Флитвиком обновляют и усиливают согревающие заклинания.

Хижина Хагрида более всего напоминает огромный снежный ком с темными провалами окон. Тыквенные грядки тоже погребены под сугробами, и единственное, что говорит об их былом существовании – это вытянувшаяся полукругом полоска покосившегося плетня.

Я обхожу хижину кругом, заворачивая к опушке Запретного леса, и с немалым удивлением обнаруживаю, что Хагрид ждет меня не один. Рядом с ним, помимо верного волкодава Клыка, стоят двое студентов в черных форменных мантиях. Подойдя ближе, я узнаю в них Денниса Криви и Кигана Малтиса – давешнего третьекурсника с Равенкло, убежденного в том, что мне нечего делать в Магическом мире. Я приветственно киваю всем троим, и Хагрид машет мне рукой в ответ, Деннис Криви изучает осторожным взглядом, а Малтис независимо отворачивается в сторону, словно меня и нет.

- Я вижу, сегодня у нас компания? – спрашиваю я, приблизившись к небольшой группе. Клык дружелюбно утыкается теплым носом мне в мантию и виляет длинным мохнатым хвостом, я рассеянно треплю его по голове. – Что за повод?

- Дык нашкодили, безобразники, – осуждающе произносит Хагрид, кивая головой в сторону понурых третьекурсников. – Видано ли дело, в Запретную секцию забрались! Их мне того... профессор МакГонагалл привела... Говорит, застучали, когда они уже пытались улизнуть из библиотеки с книжками этими, дык еще и обложки откуда-то пообдирала, чтобы эти свои книги... того... спрятать, стало быть. А у нас с этими вещами строго-настрого, таким не шутят. Ну она тогда их мне передала, чтобы я их, значит, наказал.

Я с интересом разглядываю третьекурсников, уже не в первый раз отмечая, что полный доступ ко всем библиотечным книгам, предоставленный мне директором – подарок куда более ценный и весомый, нежели я ожидал. Похоже, что по каким-то причинам Запретная секция библиотеки является для здешних студентов прямо-таки пределом мечтаний. Вот только непонятно, что именно из ассортимента находящихся там книг так привлекает их внимание.

- Итак, что же вы искали? – с любопытством спрашиваю я, переводя взгляд с одного хмурого лица на другое.

- «Тысячу и один сглаз на каждый день», – бурчит младший Криви, шмыгая покрасневшим от холода носом. – А все потому, что этот Блетчли из Слизерина...

- Заткнись, – коротко говорит Малтис, толкая Денниса локтем, а сам смотрит на меня в упор, с вызовом, будто бы провоцируя продолжить расспросы.

- Ладно, – легко уступаю я и оборачиваюсь к лесничему: – Так какие у нас планы на сегодня?

- Шогрыши, – коротко говорит Хагрид. – У них сейчас того... линька, надо бы шкурок собрать, не пропадать же добру. Ну а ты, сталбыть, за этими двумя тоже вполглаза присматривай,

чтобы не вышло чего. За тебя-то, Гарри, я спокоен, уж ты-то этот лес поди знаешь теперь получше многих.

Великан подмигивает мне и, свистнув Клыку, разворачивается в сторону темнеющей стены деревьев. Следом за ним с понурым видом устремляются третьекурсники, а позади всех иду я. В лесу снега намного меньше, чем на открытой местности: большая его часть осела на тяжело прогнувшихся ветвях деревьев, рискуя сорваться нам на головы в любой момент. На земле же снежные островки здесь и там смешиваются с черными пятнами прелой листвы. Земля мягко прогибается под нашими ногами, скрадывая звуки, из-за темной завесы кустарника и древесных стволов раздаются крики диких зверей, лесные звуки и шорохи. Хагрид фальшиво мычит себе под нос какую-то мелодию, явно находясь в приподнятом состоянии духа, Клык преданно трусит рядом и беспокойно пробует влажным черным носом воздух.

Мы берем сильно вправо, обходя наиболее дикие и опасные части Запретного леса. Здесь и там выются темные ленты тропинок, значит, ходят по этим местам нередко. Однако третьекурсники все равно жмутся друг к другу, бросая вокруг настороженные взгляды, и то и дело опасно перешептываются. «Мой брат в прошлом году видел здесь бешеную мантикору!» – взволнованно шепчет Деннис, когда недалеко раздается пронзительный крик какого-то лесного зверя.

Я осматриваюсь кругом в поисках шогрышей – крупных копытных животных, более всего смахивающих на причудливую помесь медведя с бизоном. Хагрид рассказывал, что с наступлением зимы они линяют, подобно змеям, полностью скидывая с себя пласты густой и мягкой бурой шерсти, под которой оказывается новый, уже грязно-белый мех. Хагрид сворачивает на очередную едва приметную тропинку, вглядываясь в четкие следы животных на снегу, и вскоре мы находим сразу несколько широких шкур, цепляющихся за отстающую от деревьев шершавую кору и низко нависающие ветки. Деревья в этой части леса выглядят так, словно здесь прошел небольшой ураган, и у меня мигом возникают некоторые подозрения на этот счет.

– Эт, видать, шогрыши постарались, – подтверждает мои предположения Хагрид, кивая на покореженные лиственницы, – они ж во время линьки не в себе маленько, вот и носятся по лесу, как угорелые, чтоб от шкуры своей, значит, поскорей избавиться...

Лесничий деловито снимает шкуры с покосившихся деревьев и складывает их в огромный заплечный мешок.

Мы бредем еще довольно долго, углубляясь все дальше в участок леса с поломанными деревьями, и животных нам по пути почти не встречается. Время от времени мы делаем остановки, чтобы подобрать куски ценного меха шогрышей, и Хагрид успевает заполнить уже не меньше половины своего мешка, когда Деннис вдруг пронзительно вскрикивает, указывая куда-то влево:

– Ой, вон там! Это он, это он! Шогрыш!

- Тссс, молчок! - напряженно приказывает Хагрид, тоже всматриваясь вдаль. - Я ж говорю, они по зиме могут быть того... маленько нервными.

Деннис испуганно замолкает, но шогрыш уже заметил нас: животное замирает, переставая трясти головой и бить в землю здоровенными копытами, взгляд черных, влажно блестящих глаз останавливается на нашей небольшой группе. Ошметки так и не сброшенной до конца бурой шкуры безжизненно свисают до самой земли, на спине шогрыша белеют проплешины новой шерсти.

- Отходим, тихо и без резких движений, - негромко командует Хагрид, и в тот же миг Киган Малтис срывается с места. Он бежит со всех ног, поскользываясь на снегу и с треском проламываясь сквозь невысокий высохший кустарник. Шогрыш издает низкий рев-мычание и бросается вперед.

- Хагрид, попытайся задержать его, я за Малтисом, - кричу я, кидаясь вслед темноволосому равенкловцу. Он петляет между деревьями, как перепуганный заяц, и мне никак не удается ухватить его за трепыхающийся край мантии. Сзади слышен утробный вой шогрыша и проговаривания Хагрида:

- А ну, стоять! Спокойно, малыш, спокойно!

Пожалуй, только Хагрид может называть обезумевшего шестисотфунтового полубизона «малышом». С ближайших деревьев с клекотом срывается потревоженная шумом стая птиц, суетливо хлопая крыльями.

<http://tl.rulate.ru/book/36380/794562>